

Сергей ЗАГЛУДИН

Палеоконтактом по кумполу

«Истории» из истории

Новокузнецк
2017

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Сергей ЗАГНУХИН

Палеоконтактом по кумполу

«Истории» из истории

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
3 14

ЗАГНУХИН Сергей Владимирович

Палеоконтактом по кумполу : «истории» из истории /
Сергей Загнухин ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центральная
городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2017. – 40 с.

ЗАГНУХИН Сергей Владимирович родился 23 октября 1962 года в Новокузнецке. Закончил технологический факультет Сибирского металлургического института. За время учебы отслужил в армии. После института работал на заводе «Амурсталь» (Комсомольск-на-Амуре). Вернувшись в Новокузнецк, работал инженером-конструктором в сортопрокатном цехе КМК. Затем несколько лет проработал в лечебно-оздоровительном центре «Сенсус», видеоинженером на телевидении («10 канал» ННТ). В настоящее время – библиотекарь Новокузнецкой библиотеки им. Н.В.Гоголя.

В КЛФ «Контакт» пришёл летом 2003 года. Куратор клуба. Первая публикация – рассказ «Козлиная история» – в газете «Курс» (г. Белово) 22 декабря 2006 года. КЛФ «Контакт» издано три книги Сергея Загнухина.

Сказка о гибели Атлантиды

– Так, дед, мы окончательно решили не брать с собой внука, не с кем ему там водиться, суета, шум, застолье. Оставляем Русланчика на тебя.

– Есть, понял, – дед шутливо козырнул. – Оправдаю. Отслужу. Отстрадаю. Отсижу.

– Не паясничай! Еда в холодильнике, не ленись готовить каждый раз, без разогревов.

Заглянув в указанное хранилище, усатый нянь присвистнул:

– Вы на сколько отбываете?

– На три дня.

– А запасов на месяц. Анекдот вспомнился...

– Помолчи.

Главный спец по внуку, отмахнувшись от возражений и от анекдота, продолжила свои ценные указания:

– Телевизором и компьютером не увлекаться – час-полтора не больше, обязательно гулять, своди его куда-нибудь, вечером повторить алфавит, долго не сидите и перед сном расскажешь сказку.

– Ну, мать, какие сказки – я не помню ничего. Разве что почитать.

– Мы уже всё перечитали, а ребёнок привык и для развития воображения полезно, так что хоть сам выдумай, но чтобы было. Только своей шизотерикой ему голову не забивай.

– Явроль, мой генерал, постараюсь.

– Тебе всё хохмочки, а мне потом отвечать.

– Бабуля, какая эзотерика, астрологию сейчас только что в школе не изучают.

– Ладно, пойду ещё гляну напоследок и отбудем, пока спит.

Глядя вслед супруге, дед всё-таки пробурчал свой анекдот:

– Летом в деревне внучек часто просыпался оттого, что его кормила бабушка...

Без женской опеки дед с внуком отлично провели день: голодными не сидели, ходили в кино, заглянули на городскую ёлку, в ледовом городке покатались с горок, дома выбрали лимит по телевизору-компьютеру, прихватив нелегальный часок, потом позанимались и с букварём. Но время тикает неумолимо и сакральный момент сказки настал. Уложив внука, дед с надеждой спросил:

- Руся, а может, так уснёшь?
- Нет, деда, рассказывай.
- Ну слушай, расскажу тебе про гибель Атлантиды, только не перебивай, а то я и сам собою.

Учёные и энтузиасты никак не могут найти легендарную Атлантиду, а всё потому, что не там ищут. Атлантида – не остров или материк, а древняя цивилизация, захватившая много веков назад самые лучшие и богатые уголки Земли. Могущественны были атланты: они строили огромные города ещё тысячи лет назад, их машины свободно передвигались по любой земной поверхности, даже по пустыням и горам, корабли плавали по воде и ныряли глубоко под воду. Их летательные аппараты бороздили небо задолго до наших самолётов и вертолётов, а звездолёты покоряли ближний и дальний космос. Всё это управлялось умными компьютерами и роботами, гораздо более умными, чем наши современные. И атланты настолько доверились своим машинам, что всю информацию хранили только в электронных хранилищах, на своих очень жёстких дисках. Когда же им нужно было что-то узнать, они обращались к своим Гуглам и Яндексам по любым вопросам. И так избаловались, что перестали учить самые простые вещи, такие, как таблица умножения или названия столиц своих государств.

И так атланты возгордились могуществом, что вообразили себя хозяевами Земли: стали вырубать леса, поворачивать вспять реки, сносить целые горы, попутно загрязняя воду, почву и воздух. И совсем забыли они или и не знали, со своим техническим прогрессом, что наша планета – живое существо с гораздо более развитым, чем у атлантов сознанием. Посмотрела она, посмотрела на их безобразия и в целях самообороны, задумала пустить развитие разумной жизни на Земле по новому витку. Но решила обойтись без космических катаклизмов или потопопов, а просто изменила свойства материалов, из которых у атлантов были сделаны процессоры, жёсткие диски и прочие флешки, так что всё это вмиг стало просто бесполезными кусочками породы.

А так как весь их транспорт уже давно управлялся автоводителями, автокапитанами и автопилотами, то все машины моментально встали, подводные лодки не всплыли, а самолёты упали. Остановились все фабрики и заводы, перестали давать ток электростанции, застыли станки и комбайны. Холодильники перестали холодить, а плитки греть. Все гаджеты стали просто бесполезными макетами самих себя. Вся Атлантида погрузилась в хаос. Толпы людей металась по городам, не понимая что произошло, но, на всякий случай, набирая про запас всё что только можно. Атланты вдруг с ужасом поняли, что без своих умных и умелых машин, они ничего не могут сделать, просто не знают как и что работает, на каких деревьях растут булки, как приготовить еду без кухонных машин, а узнать всё это негде, ибо их атлантовский Гугл отбросил копыта окончательно и бесповоротно.

- И что, деда, они все погибли?
- Нет, Руся, не все. Но слушай дальше.

Правительства атлантов и их учёные ничего не смогли сделать, только их генералам хватило ума захватить со своими солдатами склады еды и одежды, пока действовало самое простое, без автоматике и электроники, оружие вроде наших пистолетов и автоматов.

Но были в Атлантиде люди, которые никогда не доверяли компьютерам и роботам. Это был орден астрологов. Их обсерватории раскинулись по всей земле, все свои знания они хранили в папирусных и бумажных книгах, а пищу добывали на полях, в садах и огородах с помощью самых простых орудий. Даже почта у них была своя и не электронная, а голубиная. Астрологи следили за звёздным небом, которое они делили на созвездия, а те из созвездий, по которым проходит солнце, они считали самыми важными. Путь солнца – зодиак почти не изменился и до наших дней: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы. Астрологи предсказывали судьбу, способности и наклонности человека по знаку, под которым он родился.

В Атлантиде к ним относились, как к безобидным чокнутым, но в новых условиях они оказались самыми приспособленными: календарь они вели по звёздам, знали, когда нужно сеять зерно, сажать репу, горох и всё прочее, когда это полоть и убирать, как делать муку и печь хлеб, где пасти овец и коз. В общем, они знали, как жить в сложившихся условиях.

Этому астрологи обучали выживших людей, приобрели у них непререкаемый авторитет и стали правителями и жрецами во вновь образовавшихся государствах. Знания о зодиаке стали государственными религиями, на каждого новорожденного при рождении составлялся гороскоп, и по нему предсказывалась вся жизнь.

Так, благодаря астрологам, человечество начало свою новую историю не с первобытной дикости, а с относительно развитого общества.

Всё это произошло много тысяч лет назад, и отголоски тех событий сохранились только в мифах самых древних народов, а от самой цивилизации атлантов до наших дней, кроме зодиака, дожили только самые гигантские сооружения, вроде египетских пирамид и сфинкса.

– Деда, а это может ещё раз случиться сейчас?

– Может, Руся, может. Особенно если будем вести себя на Земле, как те атланты.

– И что же нам делать, чтобы не вымереть?

– Больше книги читать и запоминать, а не надеяться во всём на компьютер и Гугл. Если ты всё знаешь только с Гуглом, а без него ничего, то сам ты – ноль без палочки.

– А ещё что?

– Стихи учить наизусть – тренировать память. Ещё руками что-то уметь делать, учиться выживать на природе, а то и смех и грех: в лесу

смотришь, молодёжь такие брёвна начинает пилить, чтобы всего литра полтора воды вскипятить.

– А ты возьмёшь меня в поход, деда?

– Конечно, возьму, у меня и рюкзачок есть небольшой, и спальник.

– Слушай, деда, а вот ты говорил – они и в космос летали, а там у них тоже всё сломалось?

– В космосе, наверное, нет. Из-за парадокса времени некоторые могут ещё и сейчас лететь или возвращаться на Землю все эти века. Но это уже совсем другая история. Спи, внучек.

«Рыцарские страдания»

– Любезный, – придержав своего росинанта на въезде в село, сэр Маннелиг окрикнул первого встречного, довольно жалкого на вид, – что это за дыра?

Зыркнув исподлобья, «любезный» мгновенно оценил мордovorот спрашивающего, косую сажень его плеч, оружие, богатырские стати коня – и, не решившись дерзить, ответил, скрывая обиду:

– Не дыра это, бла-а-родный дон, а коронное село – Малый Бздох.

– Чего же малый? Халуп-то, вроде, порядочно, – заинтересовался благородный всадник.

– Большой подальше чуток. Его Величество, проезжая годов десять назад по этой дороге, «дунул» у них на площади гораздо громче, чем у нас, – огорчённо сообщил местный патриот и, немного оживившись, добавил: – Но домишек у нас поболее будет.

– А таверну у вас не снесло от королевского... кхм... Переночевать тут есть где?

– Это завсегда... – вдруг засуетился «любезный» и махнул вдоль дороги рукой с зажатым в ней жалким подобием шляпы, – дальше езжайте, увидите большую избу с вывеской. Постоялый двор там. Мимо не промахнётесь. Малой у меня в «Монаршем гrome» при лошадях.

Пропустить сей приют путников, действительно, можно было только спьяну, настолько сильно он выделялся из окружающей бедности.

Пока благородный дон пытался разобрать рисунок на вывеске – уж больно заинтересовало его: как же художник вывернулся, изобразив высочайший «вздох»? – долговязый юноша с конюшни, видно, тот самый «малой», метнулся внутрь и позвал хозяина.

Трактирщик, вопреки ожиданиям, оказался худ и бледен, да, судя по всему, ещё и скуп: одет хоть и не в рваньё, но во всё грубое и серое. Быстренько договорившись с ним о ночлеге и ужине, путник поручил заботу о коне малому, а большинство седельных сумок доверил призванному слуге, без малейших следов ума на лице, но достаточно бугаистому, чтобы справиться с тяжёлой поклажей.

Бросив прощальный взгляд на вывеску, но так и не узрев там ничего, кроме бесформенного пятна, – то ли всё смыло дождями, то ли монарший гром был так силён, что всё вокруг заволокло (каков же тогда был раскат в Большом?..), – сэр Маннелиг зашёл в заведение.

Вещи сложили пока у отдельного стола в углу, куда наш путник и проследовал, сопровождаемый любопытными взглядами завсегдатаев таверны – ничем особо не примечательных местных обывателей. Выделялся из этой толпы только лютнист, пытавшийся развлечь местную публику, распевая подходящие случаю куплеты:

Хорошо сидеть в трактире.
А во всем остатнем мире –
Скука, злоба и нужда.
Нам такая жизнь чужда.
Задают вопрос иные:
«Чем вам нравятся пивные?»
Что ж! О пользе кабаков
Расскажу без дураков...

Народ слушал охотно и даже пытался подпевать, качая в такт кружками, но отблагодарить певца, похоже, не спешил: соловьём тот разливался на сухую и не перекусив.

Поджидая вино и еду, сэр тоже с удовольствием прислушивался, заодно поглядывая вокруг.

Таверна как таверна, тьма таких встречалась ему на пути: длинные столы, сработанные из толстенных досок и столбов – от любых неожиданностей, лавки под стать столам, сальные светильники разгоняют мрак, отблески очага тоже вносят свою лепту; хозяйка, хлопочущая у огня, краснолица и дородна, даже чересчур – видно за себя и супруга, служанка румяна и тоже не худышка.

...Пьет народ мужской и женский,
Городской и деревенский,
Пьют глупцы и мудрецы,
Пьют транжиры и скупцы,
Пьют скопцы и пьют гуляки,
Миротворцы и вояки,
Бедняки и богачи,
Пациенты и врачи...

Тут и заказанное подоспело: кувшин вина, лучшего, что нашлось, жареные бараньи рёбрышки, ржаная лепёшка, кусок брынзы, зелень. Проворно работая руками и небольшим ножиком, благородный дон резво приступил к борьбе с этими неприятелями.

...Пьёт монахиня и шлюха,
Пьёт столетняя старуха,

Пьёт столетний старый дед –
Словом, пьёт весь белый свет!
Всё пропьём мы без остатка.
Горек хмель, а пьётся сладко.
Сладко горькое питьё!
Горько постное житьё...

Пел и играл лютнист замечательно – явно был большой мастер по этой части; но оценить его по достоинству, кроме нашего всадника, в этой дыре было некому: по окончании от щедрот слушателей ему перепало, но такая малость...

Сэр Маннелиг, героическими усилиями уже победивший первый голод, подозвал барда к себе и решил исправить эту несправедливость:

– Э... Маэстро, угоститесь для начала, чем Бог послал, со служанкой переслал, а там потолкуем.

В четыре руки дело у них пошло совсем весело, так что Всевышнему пришлось переслать с румяной прислугой ещё кое-чего, но наши герои быстро справились со всеми трудностями. Тут пришло время и поговорить. Оказалось, что зовут барда Руэль, а занесло его в эту глухомань с королевского турнира менестрелей, где он потерпел полное фиаско:

– Понимаете, herr Маннелиг, откуда я мог знать, что при местном дворе в моде юмор довольно низкого пошиба и нужно петь о жопе, яйцах, члене... и прочем подобном, а баллады и легенды вовсе не в чести. Репертуар-то у меня обширный, я бы нашёл, чем потешить их нравы, но... второго шанса не представилось... завистники... и вот, без денег и связей, приходится перебиваться, чем придётся...

– А порадуй-ка меня хорошей балладой, что там не оценило это с... своеобразное величество?

– Охотно, благородный herr, охотно.

Пока довольный музыкант настраивал лютню, сэр рассмотрел отличное качество инструмента; платье, хоть и потрёпанное жизнью, но явно щегольское, задорную шляпу с пером, добротные башмаки. Да и сам бард производил хорошее впечатление: невысокого роста, одухотворённые черты лица, русые длинные волосы чисты и аккуратно причесаны, глаза честные и смыслёные.

Довольный осмотром, herr Маннелиг задумался о спутнике и с удовольствием погрузился в музыку.

Струны лютни моей – на разрыв,
И разбит потемневший доспех.
Здесь, в золе перебранок и битв,
Щит и меч станут – песня и смех...

Завороженный переборами струн, рыцарь погрузился в отзвуки своих битв, поражений и побед.

...Не к драконам, блюстителям зла,
Не к властителям тьмы, колдунам, –

Нашей клятвы слова и дела
Сквозь века возвращаются к нам.
В наше зеркало с верой глядят
Сотни будущих ликов и глаз...
В седла, всадники, вечный отряд –
Лансеор, Ланселот, Лодегранс!

К концу баллады благодарный слушатель принял окончательное решение:

– Bravo, маэстро! А присоединяйся-ка ко мне! Прежний слуга соблазнился окошками вдовушки в одном городишке и променял на них походные трудности. Да и был он чересчур ленив и туп. Мне же нужен спутник, оруженосец и слуга в одном лице; за песни же – отдельная звонкая монета.

– Охотно, нег Маннелиг, – недолго думая, согласился бард, – а куда вы направляетесь?

– Путешествую в поисках славы, приключений и денег... Вернее, сейчас так: денег, приключений и славы.

Это дело бла-а-ародный дон решил как следует отметить борьбой с зелёным змием – покровителем пьяниц – и заказал ещё кувшинчик вина... и ещё один... и ещё... Победил, как чаще всего и случается, змий. Так что за короткое время маэстро Руэль узнал о рыцаре много интересного... Наутро свои наблюдения он не утаил от нового хозяина, отпаивая его молочной сывороткой с ледника.

У немного ожившего дона хватило сил познакомить новоиспечённого спутника с некоторыми пунктами негласного рыцарского кодекса:

– Запомни, Руэль, бла-а-родный рыцарь не напивается как сапожник, не обжирается как свинья и не спит как бревно – он отдыхает от тяжких ратных подвигов и набирается сил для новых... а если не отстанешь, узнаешь, чем на самом деле занят рыцарь, избивая оруженосца...

– Да я-то ладно, а вот трактирщик... за разбитый стол и лавку...

– Ну... рыцарь не упустит случая потренироваться в любое время... а лишняя серебрушка всё уладит... хотя... лишних денег не бывает. Предложу ему сонной травы, полезная вещь, у меня как раз есть изрядный запас.

Как бы то ни было, двинуться в путь сумели только после обеда. Одарив «малого» мелкой монетой за хорошо вычищенного коня, рыцарь заметил Руэлю:

– Росинант не вынесет двоих... на нём же ещё доспех, оружие и припасы. Купим тебе мула покрепче, деньгами бы только разжиться. Не знаешь, где тут поблизости можно благородно заработать: разбойников перебить, даму освободить, дракона приструнить?

Оказалось, что бард как раз знает подходящее местечко: немного в сторону от тракта банда разбойников не даёт житья городишку Храбрици, и магистрат объявил неплохую награду за их поимку. Более того, превратности судьбы заносили Руэля и к самим злоумышленникам, но долго он там не продержался:

– Знаете, хегг Маннелиг, кормили они неплохо и песни слушать любили, даже баллады, но уж больно нравы дикие... судите сами, если навалить в башмак считалось милой шуткой!

Тут-то у наших друзей и родилась хитромудрая идея. До темноты они добрались в эти Храбрищи и утрясли с магистратом монетный вопрос. С утра подкрепились и двинулись в поход.

Недалеко от логова злодеев рыцарь сел в засаду, а бард с лютней под мышкой двинул прямо к старым знакомцам. Ему, конечно, дружески накостыляли по шее – ну, дикий народ, дети гор – но быстро отошли; и то сказать: какие в лесу развлечения, а тут музыка, пение, танцы... культура... А после обеда все тринадцать разбойников, вместе с Кудеяром-атаманом, крепко уснули.

Благородный сэр прибыл из засады на белом коне (ну, гнедом, гнедом) и повязал их всех ещё тёпленькими. Тут и мул для музыканта нашёлся, и ещё кое-что. На всякий случай благородный сэр попросил лютниста не воспевать некоторые детали кампании – причины столь крепкого сна злодеев, например... да и вообще... промолчим и мы.

После празднования этой победы в ошастливленном городе, Руэль узнал и ещё одно правило странствующего рыцаря: бла-а-ародный дон не развратничает, просто он не всегда может устоять перед искушением. Впрочем, лютнист и сам не записывался в монахи.

Путешествовать на восьми копытах оказалось гораздо веселее, чем на четырёх копытах и двух ногах. Богатырский конь тоже вздохнул с облегчением: мул взял на себя заботу не только о музыканте. Всё-таки таскать на себе высоченного и здоровенного, пусть благородного и коротко стриженного, дона, вместе с доспехом, щитом, мечом, булавой и всем прочим – удовольствие сомнительное, хоть и почётное. Мул же оказался существом крепким, кротким и покладистым, безропотно давшим навьючить на себя мешки с лёгким пластинчатым панцирем, шлемом, разными поножами-наручами, да ещё и со съестными припасами.

Синее небо, украшенное барашками облаков, зелёные островки деревьев вдоль дороги, разноцветные мазки цветов, колыхание хлебов, пение птиц и стрекотание всяческих кузнечиков тоже вносили свою лепту в хорошее настроение странников без страха и упрёка. На привале, отобедав под сенью дуба-патриарха, сэр Маннелиг возжелал послушать что-нибудь весёлое. Руэль охотно расчехлил лютню, настроил и вдарил:

Вот уже камень, распустье и вновь
Несколько строк, нацарапанных мелом:
Строго направо – престол и любовь,
Слава и подвиги – строго налево.
Лай-лай, направо любовь,
Слава и подвиги – строго налево.

Рыцарь как рыцарь – и хмур, и суров,
Скорбная дума легла на забрало:
Слава – налево, направо – любовь...
Конь поразмыслил и двинул направо.

Замок как замок – с наскока не взять,
В башне высокой грустит королева...
Вот уж охота копыта ломать –
Конь только плюнул и двинул налево.

Шесть великанов – мерещится, что ль?
Лапищ одних – по шестнадцать на брата.
Выдь, повоюй-ка с такою ордой! –
Конь потоптался и двинул обратно.

Вот и выходит – в сюжете изъязн:
Конь хоть налево пойдет, хоть направо,
Рыцарю по фигу, он вечно пьян,
Скорбная дума не сходит с забрала.

Лай-лай, а рыцарь-то пьян:
Скорбная дума не слазит с забрала!

– Превосходно, маэстро, просто великолепно! Порадовал... как там, «грустит королева»?.. А не утешить ли нам какую-нибудь прекрасную даму, что твоя менестрельность скажет?

– Шутить изволите... но вообще-то, за недолгое пребывание при дворе, слышал я про одну даму, привечающую странствующих рыцарей. Даже видел мельком.

– Ого! Ну и как она тебе?

– Горячая штучка, жгучая шатенка, проще сказать – рыжая.

– О! Мой любимый цвет. А грудь большая?

– Как раз в ладонь должна поместиться.

– Мой любимый размер! Ну а всё прочее? Лицом не страшная?

– Да нет, всё на уровне... только...

– Что такое?

– Да вам бы, heгг Маннелиг, э... омовение принять.

– Что такое, Руэль? Запомни: рыцарь не зарастает грязью – он маскируется, и не воняет, а хочет быть ближе к народу.

– Так ведь благородный heгг не к народу собрался, и зачем ему маскироваться от прекрасной дамы?

Благородный сэр почесал затылок, провёл ладонью по бычьей шее, зачем-то потрогал свой курносый нос и арбузные щёки, взъерошил жгучебрюнетистый ёжик на макушке и нехотя согласился:

– Пожалуй, тут ты прав.

– Вот и ладненько, поищем баньку?

– Какую баню? Мы не в дикой восточной стране, у нас цивилизованный запад – обойдёмся речкой.

Сказано – сделано. Уже через несколько дней, свежескупанными в ближайшей речке и свежесушенными щедрым летним солнцем, они подъезжали к замку леди Мэри – так звали прелестницу. Цитадель была не очень велика и произвела на странников мрачное впечатление: камни строений чёрные или тёмно-серые, кованые детали все в виде костей, летучих мышей или inferнальных чудовищ, лепнина только в виде черепов; скульптуры мерзкого вида гарпий на крыше дополняли тревожную картину.

Паладин остановился в глубокой задумчивости: а стоит ли продолжать путь – может, свернуть поскорее от греха подальше? Но тут в окне ближней башни показалась и сама леди: рыжие волосы распущены, чёрное платье с изрядным вырезом выгодно оттеняет благородную бледность кожи и подчёркивает соблазнительную выпуклость груди...

– Эх, ну что сказать: хороша чертовка! – вполголоса бросил барду рыцарь.

Леди Мэри приветливо помахала им платком и жестом пригласила в замок.

Знакомство, представление, приветствия – всё прошло, как и полагается по неписанным правилам кургуазного этикета. За ужином лёд официальности потихоньку тронулся, командование парадом стало переходить к дружественной непосредственности. Руэль со своей лютней очень этому способствовал:

На заре пастушка шла
Берегом, вдоль речки.
Пели птицы. Жизнь цвела.
Блеяли овечки.

Паствой резвою своей
Правила пастушка,
И покорно шли за ней
Козлик да телушка.

Вдруг навстречу ей – школяр,
Юный оборванец.
У пастушки – как пожар,
На лице румянец.

Платье девушка сняла,
К школяру прижалась.
Пели птицы. Жизнь цвела.
Стадо разбежалось.

– Что вы там напеваете, мой трубадур? На что толкаете честную женщину?

– Помилуйте, прекраснейшая, – невинные пасторали!

Но время шло, тёмно-красное вино текло рекой, речи смелели... и вот рыцарь целует уже не только прекрасную ручку, но стремится облобызывать и ножку, а также припасть и к груди прекрасной Мэри... Смех и

притворное сопротивление прелестницы только усиливают его влечение... Верный Руэль уже отбивает ритм каких-то боевых маршей...

Наконец благородный сэръ не выдерживает и, подхватив раскрасневшуюся леди на руки, бросается в спальню. Там он набрасывается на соблазнительное тело, срывает с него одежды, покрывает поцелуями, разоблачается сам и...

...Дальше ничего не помнит... Очнувшись поутру в той самой спальне, в той самой постели, задаётся единственной мыслью: было что-то или не было? По ощущениям причинного органа, что-то определённо случилось, но почему из памяти-то всё выветрилось? Спросить некого, леди отсутствует, да и неудобно как-то.

Тут появляется и сама хозяйка в глухом чёрном платье, уже без вырезов, надменное лицо без всяких эмоций, холодный голос без выражения, – но смысл ею сказанного обжигает, как глыбы смёрзшегося льда... Её благородный любовник-на-ночь моментально одевается и, растолкав лютниста на лавке в гостиной, без всяких прощаний отбивает прочь, не очень разбирая дороги.

Обдутый свежим утренним ветром, он, наконец, решается пересказать услышанное от чёрной леди...

– Что вы говорите, благородный herrг?!

– Да! Друг мой, да! Самая настоящая ведьма, и этой ночью, во время схватки, она, представь себе, меня заколдовала. Вернее, заколдовала на бессилие мой причиндал... Стерва! И не снимет проклятие, пока я не привезу ей свежую чешую дракона. Убивать её бесполезно, снять заговор может только она сама.

– И куда мы? Искать дракона?

– Вот уж дудки! Поедем вышибать клин клином – поищем другую ведьму, мало ли что эта каналья там сказала. Да и проверить надо...

Проверить он попробовал, встретив первую же пастушку. Натерпелась бедная девушка страху... но только страху. Полновесный золотой с лихвой её утешил. Ведьма не обманула.

Во время проверки бард качал головой, но не вмешивался, понимая – ситуация для мужчины аховая; да и очередное правило вспомнил: рыцарь не насилует, а пытается улучшить породу простого народа.

Поиски оказались довольно долгими: народ не очень охотно распространялся на эту тему, нужно же было найти настоящую ведьму, а не просто немного приколдовывающую бабёнку. По дороге Руэль начал сочинять новую балладу, тихонько подыгрывая себе прямо на ходу. Там дева-тролль влюбилась в рыцаря и предлагала взять себя в жёны, взамен обещая ценные дары и после каждого посула припевая:

Нerrг Маннелиг, herrг Маннелиг, супругом будь моим,
Одарю тебя всем, что желаешь!

Что только сердцу любо, получишь в сей же миг,
Лишь ответь мне – да иль нет?

– Что ты там плетёшь, какие дары? Ничего она не предлагала.

– О, не беспокойтесь, мой нег, это же художественный вымысел. Балладам свойственны преувеличения. К тому же я беру пример с благородного сословия, ведь рыцарь не врёт как сивый мерин, он повествует о своих подвигах.

– Поговори у меня...

Всё-таки им повезло, и какой-то старый пень показал тропинку, ведущую прямо к избушке настоящей ведьмы.

– Старая карга, – ворчал сэр Маннелиг, защищаясь рукой от низких веток, – забралась в самую чащу.

Действительно, лес всё мрачнел и теснее зажимал узкую тропу.

– Лучше бы не старая, – заметил Руэль.

– Молодая уже была, надеюсь, у старой запросы меньше.

– Могут случиться запросы, когда молодая предпочтительнее...

– Кхм... надеюсь, обойдёмся деньгами... и за яйцами гоблина нас не пошлют.

Наконец показалось жилище лесной отшельницы, огороженное крепким частоколом. Колотить в ворота пришлось недолго. Первым наши молодцы узрели глаз хозяйки в смотровой дырке ворот. Определить её возраст по столь малой части не представилось возможным.

Переговоры не затянулись, и скоро рыцарь с оруженосцем попали в горенку волшебницы, на удивление светлую и уютную. Никаких сушеных жаб и крысиных хвостов – основным признаком профессии хозяйки тут были сушёные травы. Да и сама она оказалась хоть и немолодой, но женщиной средних лет и вполне ещё хоть куда, этакая ягодка опять.

– Ну, зачем пожаловали добрые молодцы, за делом или от дела? – спросила она насмешливо.

– Что так сразу к делу-то? – откликнулся Руэль. – А как же накормить, напоить и в баньку сводить?

– Какая-то банька, какие разносолы? Мы не северные варвары, – и оценивающе глянула на барда, – пришли по делу, дело и говорите.

Пришлось изложить дело и предъявить на осмотр пострадавший орган, благо рыцари путешествуют не в доспехах, а в обычном платье, так что не пришлось открывать разные там лючки или дверки.

– Да, узнаю Мэри – сильна старушка, – вынесла волшебница вердикт.

– Почему старушка? – встрепенулся рыцарь, пряча свои причиндалы. – Вполне молодая особа.

– Умеет. Думаете, чешуя дракона ей для наведения вашей бледной немочи нужна?

– Да мне до яблочка ваши штучки! А ты снять можешь?

– Снять может та, что наложила.

– А снимет, не обманет?

– Если обещала – сделает, это же магический договор, если произнесён – должен быть исполнен. Но если захотите ей отомстить...

– Да-да?

– Чешую дракона, перед тем, как отвезти Мэри, покажите мне – у меня на неё свой зуб имеется, так что сделаю кое-что... и она уже не сможет морочить честных рыцарей.

– Да где же взять эту чешую?

– А вот это, сударчики мои, уже деловой разговор. Научу, помогу... десять золотых и небольшая услуга от музыканта.

– Спеть-сыграть, что ли? – встрепенулся бард.

Излагая свои требования, женщина немного порозовела, засмуцавшись:

– Можно и спеть... но в этой глухомани... настоящие кавалеры совсем редки... некому приласкать бедную девушку как следует... так что вот. Господин может погулять часок, если нет желания внести посильную лепту.

– Нет, нет, я пока за заборчиком погуляю, лошадь попасу с мулом, – засуетился сэр Маннелиг и ободряюще бросил растерявшемуся немного Руэлю: – Давай-давай, друг менестрель, потрудишься как следует, я в этом деле пока не боец.

После чего поспешно ретировался за частокол. Обратно его позвали часа через два, за это время из дома пару раз слышалось только негромкое пение. Но, судя по всему, хозяйка осталась довольна, ибо расстаралась-таки накрыть стол и угостить гостей.

Как следует попотчевав рыцаря с оруженосцем и получив оговоренные золотые, госпожа Тофана приступила к делу:

– Чешую дракона добыть нелегко, сударчики мои, но можно. К югу от наших мест, в Змеиных горах, нужно найти Палёный кряж, там издавна обитает дракон. Зелёный. Огнедышащий. Его-то чешуя как нельзя лучше подходит для наших дел. Добраться туда несложно, особенно верхом.

– Добраться ладно, чешую как добыть? – перебил её рыцарь.

– В корень зришь, ваша доблесть. Добыть чешую сейчас посложнее будет, особенно рыцарю.

– Почему именно сейчас?

– Раньше проще было, а теперь он рыцарей на дух не переваривает. И даже не за то, что они частенько стали пытаться его всяким железом потыкать, это-то ему раз плюнуть, вернее, дыхнуть... Так что дыхнёт он, сударчики мои, огнём – и вот жареный конь у него на обед, а рыцарь в горшочке на ужин. Ненависть же у него только лет сто как возникла.

– О, интересно, расскажите, – оживился и бард.

– Да было тут дело: застукал он одного рыцаря в своей пещере – тоже, видно, чешуи набрать хотел. Да то, что застукал, – это ещё полбеды, мог бы и отпустить после умной беседы и чешуек свежих наскрести. Случалось такое, скучно ему, сударчики мои, побеседовать об разном-всяком не с кем.

Но этого рыцаря застал он за неблагоприятным делом: приспичило тому, видно, вот и навалил он кучу прямо в пещере. А дракон этот –

чистоплюй, каких поискать. Он сам по этим делам улетает очень далеко, а тут такое дело... ну, рассвирепел страшно: осквернителя в пепел сжёг, доспехи в брызги расплавил и пещеру потом выжигал неделю.

– Вот никогда бы не подумал!

– Тот бедолага тоже не подумал, да это было последнее, о чём он не подумал в своей жизни.

– Как же к этому дракону подъехать?

– Рыцарю, скорее всего, никак, разве что прийти без оружия и ещё издали кричать что-нибудь вроде: «Без дерьма пришёл!» или «Я дал обет несрачия!»

– Да ты издеваешься, что ли? Как благородный сэра может такое кричать?!

– Ох уж эти благородные... Да, рыцарю, повторюсь, я ни под каким видом не посоветую.

– А ночью?

– Ночью дракон видит гораздо лучше любого рыцаря, и слух у него отменный.

– Как же быть?

– Есть у него одна слабость: любит он музыку, особенно новую, а память у него тоже отменная. Вот и выход: послать за чешуёй музыканта с новенькой балладой... он мне тут напевал немного. – Тут госпожа Тофана опять смущённо зарозовела и потупила глазки.

– Мне – к дракону? Да ещё и петь ему?!

– Сударчик мой, ты с ним почти наверняка поладишь. Только гляди на ноздри: если язычки огня начнут пробегать – сразу смывайся.

– Руэль, выручай ещё раз, всю жизнь в долгу буду!

И вот настал момент, когда, оставив рыцаря в засаде, наш музыкант с лютней наперевес двинулся на штурм пещеры дракона, запев ещё издали:

Однажды ранним утром, в предрассветный час,
Когда гомон птичий не слышен,
Раздался девы-тролля тихий нежный глас,
Сладко рыцарю так говоривший:

«Герр Маннелиг, герр Маннелиг, супругом будь моим,
Одарю тебя всем, что желаешь!
Что только сердцу любо, получишь в сей же миг,
Лишь ответь мне – да иль нет?»

Под ноги то и дело попадались обугленные детали рыцарского доспеха и вооружения. Тут без труда можно было вооружить неплохой воинский отряд.

«Дарю тебе дюжину прекрасных кобылиц,
Что пасутся средь роши тенистой.
Они седла не знали, не ведали узды,
Горячи и как ветер быстры».

На этом куплете из пещеры высунулась голова дракона, выражение морды лица внимательное, огоньки из ноздрей не слетали.

«Прими мой дар чудесный – сей острый светлый меч,
Он пятнадцать колец злата стоит.
Дарует он победу в любой из ярых сеч,
Им стяжаешь ты славу героя!»

Дракон стал поматывать головой в такт музыки. Бард невольно ускорил шаги, так как в запасе остался всего один куплет баллады.

«Я дам тебе рубаху, коей краше нет,
Что не сшита из ниток иглою.
Не видан тут доселе столь чистый белый цвет –
Шёлк тот вязан умелой рукою.
Герр Маннелиг, герр Маннелиг, супругом будь моим,
Одарю тебя всем, что желаешь!
Что только сердцу любо, получишь в сей же миг,
Лишь ответь мне – да иль нет?»

Тут Руэль подошёл к самой пещере и замолчал. Дракон выглядел довольным, даже похлопал лапой по земле, а после заговорил глубоким низким голосом:

– Bravo, маэстро, великолепная баллада и совершенно новая, но она не закончена, нет развязки.

– Ваша правда... э...

– Зови меня Стасис – это, как ты понимаешь, не истинное имя, но одно из.

– А я Руэль. И буду рад выслушать ваши советы по балладе.

– Охотно, маэстро Руэль.

И они несколько часов проговорили о музыке, поэзии и литературе, заодно совместными усилиями придумали и финал баллады. С чешуёй у маэстро, как вы понимаете, трудностей тоже не возникло: Стасис наскрёб целый мешочек.

А дальше всё развивалось как положено. Бард с рыцарем отвезли госпоже Гофане чешую, большую часть которой та оставила себе, с остальной же поколдовала у себя в светёлке, выгнав гостей погулять.

С этими остатками драконьей чешуи сэр Маннелиг поскакал к леди Мэри, та сняла с него заклятие, что бла-а-родный дон и отпраздновал стра-ашной оргией в ближайшем городке (не подхватил бы какую заразу без всякого колдовства!).

Леди Мэри чего-то там поколдовала с коварной чешуёй и враз лишилась волшебной красоты, обретя свой истинный облик – старой карги.

Руэль же остался погостить у госпожи Гофаны, которая неожиданно ещё расцвела, скинув в возрасте лет двадцать. Впрочем, она охотно отпустила своего менестреля поболтать с драконом или поучаствовать в каком-либо бардовском соревновании. Где он время от времени

одерживал и победы, исполняя балладу «Негг Маннелиг», заканчивающуюся куплетами, сочиненными совместно с драконом:

Но рыцарь рек надменно: «Ступай с дарами прочь –
Ты не носишь святое распятие!
Тебе не искусить меня, дьяволова дочь,
Мой ответ тебе – божье проклятье!»
И горько зарыдала дева-горный тролль,
Прочь ушла, безутешно стеная:
«Зачем ты гордый рыцарь, отверг мою любовь,
Почему ты так жесток?»

В рассказе использованы стихи Екатерины Ачиловой, слова песни Александра Щербины «Рыцарская сказка», поэзия вагантов и перевод средневековой баллады «Негг Mannelig».

Секреты воздержания

Первый любопытный лучик восходящего солнца заглянул в низкий лаз небольшой пещерки и наткнулся на фигуру коленопреклонённого человека. С первого взгляда он казался просто кучей ветхого, серого тряпья. Привыкнув к темноте, можно было разглядеть, что это пожилой монах в уставной одежде своего ордена склонился перед алтарём, грубовато сделанном из дикого камня. Прислушавшись же, можно было расслышать плавную скороговорку непонятных слов – еле слышной молитвы или песнопения, или и того и другого вместе.

Оказавшийся тут сведущий человек мог бы поведать, что любознательный лучик заглянул в пещеру, где спасается знаменитый на всю округу отшельник – Хьюго Ангелус, Хьюго Праведный, Хьюго Девственник. Известный своей исключительной невосприимчивостью к блудным соблазнам. Невосприимчивостью настолько абсолютной, что за наставлениями по борению плотского вожделения к нему приходили монахи всех орденов и даже из иноверцев.

Вот и сейчас, несмотря на то, что солнце едва показалось из-за горизонта, позолотив только самые верхушки деревьев, по еле заметной тропинке, петляющей в густом утреннем сумраке дубового леса, серым привидением двигалась неясная фигура. По мере приближения стало видно, что это совсем ещё молодой монашек одного ордена со знатным пустынноиком. Юноша бледный с взором горящим, как сказали бы в другое время и в другом месте. Одна, но пламенная страсть погнала его, видно, в дорогу ни свет ни заря, а, скорее всего, вела за собой всю ночь, подсвечивая дорогу факелом своей страстности. С помощью разве что луны на первой четверти. Учитывая репутацию пещерника, природа этой страсти угадывалась запросто. Знать, трудно давалось умерщвление столь юной плоти.

Понимая, что прибыл несколько рановато, страждущий наставления отрок смиренно остановился поодаль от тёмного зева пещерки, сгрузив с плеч на землю котомку довольно приличных размеров. Не желая нарушить покой будущего наставника, начинающий аскет снял с пояса чётки из финиковых косточек и, дабы не тратить даром времени, занялся собственными духовными упражнениями, движением большого пальца отсчитывая молитвы.

Когда солнце поднялось уже довольно высоко над столетними дубами, а юноша успел и помолиться, и сбегать умыться-напиться к нежно журчащему неподалёку ручейку, из своего подземного убежища, кряхтя и потирая поясницу, выбрался Хьюго – потенциальный наставник юношества на трудном пути воздержания. Тут молодой подвижник и предстал пред блеклые очи совершенно седого праведника.

– Бог в помощь, святой отец, – с низким поклоном промолвил монашек.

– Спаси господи, – ответил старец, проморгавшись после пещерного сумрака и присаживаясь на невысокий камень, удачно сочетающий в себе свойства порожка и скамейки.

– Добрые братия вашего монастыря подсказали мне дорогу к твоему жилищу и попросили доставить запасы провизии на следующую неделю, – юноша показал рукой на котомку, нерадивым монахом лениво свалившуюся на бок в паре шагов от собеседников.

– Спаси господи, – эхом отозвался Хьюго. – И какая нужда привела тебя ко мне, сын мой?

Монашек порывисто бросился на колени:

– Помоги отче, постоянно возмущаюсь помыслами блудной похоти: брань сия – как огонь, горящий день и ночь в моём сердце. А ты, говорят, в мои примерно годы раз и навсегда избавился от разжжений плоти. Что помогло тебе? Как это случилось? Расскажи. Научи. Наставь. Сделай милость.

Движением руки подняв ученика с колен и указав на соседний камень, наставник надолго задумался. Отсутствующий взгляд, обращённый куда-то вовнутрь, ясно показывал, что мыслями он явно где-то не здесь и не сейчас.

Да, примерно столько мне тогда и исполнилось... Милость Господня, сейчас хоть вспоминать могу без болезненных спазмов. Как же это было?...

Благовоспитанный отрок из уважаемой, честной семьи строгих нравов впервые оказавшийся без бдительной родительской опеки. Абитуриентус вольной академии свободных искусств. В мыслях восходящее светило отечественной словесности. А тут сразу – городской праздник. Да ещё с ежегодным карнавалом. Ах, карнавал, карнавал... Толпы празднично наряженных людей. Маски. Костюмы. Конфетти. Музыка. Танцы. Акробаты. Фокусники. Канатоходцы. Фейерверки. И везде девушки, девушки... Стайками и поодиночке. Стреляющие прекрасными глазками, задевающие то рукой, то бедром... Весёлые, красивые, молодые, манящие, кажущиеся такими доступными, что голова кружится от предвкушения... Конечно, все отцовы напутствия о женщинах, как вратах к геенне огненной и дороге ведущей к гибели, моментально улетучились. И всё кажется

возможным... Вот с этой чёрненькой, в маске летучей мыши или с этой, светленькой, лёгкой, как фея... Или... Или... О-ох, грехи наши тяжкие.

А эта сама подошла. Прекрасная, как богиня, рыжеволосая, в изящной масочке, стройная, грациозная – всё при ней и всё на месте, соразмерное, соблазнительное... Смех – как серебряный колокольчик. Да лучше бы ослеп тогда сразу! И оглох заодно. Ну не освободил Господь, попустил искушение. Взяла за руку и повела, как молодого телка, как барашка на заклание. В голове туман, а внутри, вот, как у этого страдальца, огонь, горящий в сердце, ну или не только в сердце. Сам пошёл к гибели, да что там пошёл – побежал, вприпрыжку поскакал застоявшимся жеребчиком. Ведь когда вывела за городские ворота, отпустила руку и побежала по дороге, потом по дорожке, потом по тропинке, потом без тропинки, постоянно оглядываясь, махала рукой и смеялась-заливалась. Этим смехом, серебряной ниточкой, вела, как бычка на верёвочке. Вот бы тогда упасть, ногу сломать, башкой треснуться. Даже не споткнулся ни разу. И полмысли не мелькнуло, как это хрупкая девица столько миль несётся в полумраке по лугам и рошам, не уставая и даже не вспотевши. Я же весь мокрый от пота. Околдовала, заморозила. Смехом своим ведьмовским морок навела... Ну, да на всё воля Божия. Неисповедимы пути твои...

Привела, наконец. Холмик – не холмик. Землянка – не землянка. Не разглядел тогда, да и не разглядывал. Взяла за руку и завела внутрь чего-то. Там светло, не пойми откуда, и ещё три девы прекрасные. Засмеялись серебряно, подбежали, закружили. Стали трогать, обнимать, целовать, раздевать. Накатила, как волной, какая-то истома, унёсшая последние крупицы воли. Не заметил, как совсем потерял способность самостоятельно двигаться и соображать заодно. Как в тумане помню, раздели и положили на какое-то ложе. Ни рукой двинуть, ни ногой. Чурка с глазами, да и только.

Что дальше случилось, долго не мог вспоминать без мучительной рвоты. Милостью Божией сейчас отпустило. Видно, искупил грехи и свои, и отцов, и дедов. Да... Дальше же, дальше... Не приведи Господь этому юноше пережить такое, хотя лекарство от его брани вышло бы безотказное. Ну, благословясь...

А дальше прекрасная незнакомка поднимает руку к волосам и начинает чулком снимать кожу с макушки головы, лица, шеи, плеч и дальше со всего тела, вместе с одеждой. И под этой кожей оказывается что-то зелёное, склизкое, сопливое, с какими-то шевелящимися отросточками, вдобавок ещё и зловонное. Больше я и не выдержал – угас. Очнулся ещё разок через какое-то время, на мгновение. Оплетённый какими-то верёвочками, вроде бычьих жил с шишечками на концах. Весь этими шишечками утыканный. И во рту какая-то дрянь, потолще коровьего соска. И в ноздри чего-то засунуто. И в... В общем, куда только могли, туда и засунули жабищи поганые. А тут опять эта мерзость зелёная надо мной склоняется. На этом я окончательно всех чувств и лишился.

Очнулся на рассвете, в рощице буковой, под кроной древесного патриарха. Птички поют, лесом утренним пахнет, листва шумит умиротворяюще. Замёрз страшно, озноб колотит – зуб на зуб не попадает. Приподнялся, вижу – совсем голый, но одежда под головой. Только собрался одеться, вспомнил зелёную харю. Всё нутро сразу наизнанку вывернуло. Сколько времени провалялся скорчившись, сотрясаемый спазмами, уж и не знаю, показалось – вечность. Еле дотащился до какого-то ручейка, обмылся, напился, трясущимися руками оделся. Опять вспомнил вчерашнее – и по новой прополоскало... Господи помилуй.

Поплёлся потихоньку к городу. По дороге встретил какую-то поселянку. Взглянул на неё – помимо воли представилось будто кожа на голове лопается, и оттуда склизость болотная проглядывает... Опять скрючило в три погибели, и всё заново – до желчи. Бедную женщину словно ветром сдуло – быстрее лани улепетнула. Да как её не понять – встретить такое чучело облёванное, извергающее рвотные потоки.

Отцы-святители! А мне куда податься? Если при виде каждой женщины... Только в монастырь, причём самый строгий, чтобы ихним духом и не пахло.

По кустам и оврагам, избегая дорог, добрёл кое-как...

Благословлён будь отец-настоятель – выслушал такое чудо, бледное от истощения, вошёл в положение, приютил. Родителям земной поклон – внесли лепту немалую в монастырскую казну, не отговаривали. Вроде даже обрадовались.

Но и тут не прижился... Не смог... При взгляде на статую Матери Господней – тошнота необоримая... Милостив будь Боже к настоятелю – благословил на пустынное житиё.

Годы в ставшей теперь родной пещерке... Молитвы, пение псалмов, чтение духовного, бдения, рукоделие... Вот с чем бороться не пришлось, так это с чревоугодием и похотью. Больше с унынием и отчаянием... Ну да, хвала Создателю, теперь всё в прошлом.

Такие вот секреты. Этого и врагу не пожелаешь. Не то, что такому искреннему, молодому подвижнику. Каждому свои испытания. Да и где он тех демониц болотных отыщет, если и поверит. Никому пока своих страстей не открывал, кроме отца-настоятеля – на первой исповеди. Что же ему присоветовать-то? Придётся опять что-нибудь из писаний святых отцов вспоминать.

Жаждающий наставления терпеливо ждал, с надеждой во взоре смиренно поглядывая на признанный авторитет в трудной науке борьбы со страстями.

Наконец взгляд старца прояснел, словно вынырнув из глубин памяти, и уста мудрости разверзлись: «Каждому своё, сын мой, каждому своё... Не дойдёшь до желанной цели чужими ногами. Неустанно проси Всемилостивого, и он укажет твой собственный путь...

В наставление же скажу, что движение плоти бывает от разгорячения пищею и питиём. Происходящий от них жар крови производит

возбуждение в теле. В подвижниках же бывает ещё и иное движение, происходящее от коварства и зависти демонов. Эти особенно нападают на спасающихся уединённо в безмолвных местах.

В отражении же блудных помыслов великою помощью служат нам: непрестанная молитва, стояние всенощное, голод, жажда, палящая язык и немногими каплями прохладжаемая, пребывание при гробах, а прежде всего смирение сердца, и, если можно, отец духовный, или усердный брат, скорый на помощь и старый разумом. Ибо почитаю я за чудо, чтобы кто-нибудь один сам собою мог спасти корабль свой от этой пучины».

После этих слов седой Хьюго, навсегда оставшийся девственником благодаря явному чуду, искренне, но про себя, пожелал собеседнику избежать чаши сей.

Вслух же, выслушав благодарности наставляемого, предложил ему, перед обратной дорогой, подкрепиться вчерашней варёной чечевицей и краткой совместной молитвой.

Солнце же, продолжавшее тем временем свой стремительный бег к зениту, как всегда изливало свет и тепло на: праведных и грешных, учеников и учителей, белых и зелёных, разумных и не очень, шерстистых и лиственных, земли и воды, флору и фауну, выполняя единственный завет – светить всегда, светить для всех.

Золотой горшок

Говоришь, выдумки это всё: домовые, лешие, русалки, призраки всякие – народ от темноты да со страху насочинял? Неужто такие тёмные были наши пращуры? Да от пней лесных шарахаясь и брехали всякие небылицы? А забугорные людишки про свою нечисть баяли – гномов бородатых да эльфов всяких. У нас гномов не знали? А Бажовские стары люди кто – одичавшие скоморохи? В горе богатство прятали. И другие хранители им сродни, Хозяйки-ящерки да Поскакушки всякие. Не простой был человек Пал Петрович, ох не простой – к мудрости народной прислушивался, да открыто поведать не мог – сказами прикидывал.

Вот и хакасы старые рассказывали, был тут до нас народ невиданный, с боригенами мирно жили, сильно не толкались, не задирались. А как русским духом запахло, упредили стариков: «Идёт страховитый народ с большими железными топорами, дерева повырубит, зверя повыведет, землю поизроет – не будет вам прежней вольной жизни». И ушли под гору всем гуртом. Там по сю пору и обретаются – тайны свои да богатства берегут. Чем тебе не гномы?

Да и не о том я хотела... То дела всё стародавние... Новые времена – новые нежитики на наши головушки нашлись, не чета прежним. Те-то вроде как свои, когда и помогали... Думаешь, чо народ в революцию как с цепи сорвался, совсем с глузду съехал – кровищу реками лил? Не знаешь?

А что основыположники писали, Карло бородатый с Фридрихэнгельсом? Призрак бродит по Европе – призрак коммунизму! По Европам побродил, а на жительство к нам прописался. У нас и началось... Метафора? В самоглавном документе, во первых строках? Нет, шалишь! Не простые дядьки были – основыположники, знающие. Кто этого призрака видел? А видели! И не где-то там – за Каменным Поясом, у нас и видели. Вот у меня статейка есть из нашей районки за позатот год, не думай, что я всё из себя сочиняю, почитай пока, а я самоварчик сварганю.

В Западной Хакасии на Широкой Могутке обнаружено затерянное поселение. Почти восемьдесят лет его жители избегали всяческих контактов с цивилизацией.

...Осенью 1918 года отряд красноармейцев, призванных из местных деревень, с боями уходил от колчаковских карателей. С обозом, жёнами и детьми, он двигался по просёлочным дорогам в верховья Томи. Казаки есаула Шустрякова устроили засаду на переправе через Туралыг... Но так и не дождались беглецов.

Они исчезли, будто растворились в тайге. Через два дня выпал снег, и каратели вернулись в Абакан.

И вот в марте этого года научно-исследовательская экспедиция Сибирского отделения Российской академии наук нашла тех, кто почти восемьдесят лет прятался от карателей Колчака. Да, потомки тех красноармейцев пребывали в полной уверенности, что Колчак победил, и на них идёт охота.

Рассказывает руководитель экспедиции, этнограф профессор Новосибирского университета Иван Васильевич Петкунов:

– Жизнь они свою построили так, как представляли себе коммунистическое будущее крестьяне в начале XX века. Односложно сказать: всё общее. Один длинный дом, один большой котел, один стол. Еда общая – никто не имеет права унести свой кусок и съесть его отдельно. Только охотникам, уходящим на несколько дней, выдается сухой паек: коренья, сушеные ягоды, кедровые орехи, мешочек сухарей, кусок копченого мяса.

Жёны тоже общие. Вернее, брака как такового нет. Мужчина, которому приглянулась женщина, подходит и говорит: «Нашему отряду нужны новые бойцы». Если она согласна, то никаких проблем. Если нет – начинается долгая процедура ухаживания...

Дети тоже общие, а поэтому фамилий в общине нет. Только имя. Чаще других – Карл, Фридрих, Владимир, Лев, Роза, Клара – в честь Маркса, Энгельса, Ленина, Троцкого, Люксембург и Цеткин. Плюс к нему прозвище – Карл Ловкий, Роза Кудлатая, Лев Косоглазый и т.д.

Несмотря на близкородственное скрещивание, эти люди отличаются крепким здоровьем. Они фактически ничем не болеют. К сожалению, их иммунная система оказалась неготовой к контакту с цивилизацией – с

нашим приходом на них обрушились грипп, скарлатина, ветрянка, краснуха, свинка, чумка и т.д. Очень печально!

Удивил один из предметов обихода. Среди глиняной и кожаной посуды – ночной горшок из чистого золота. Килограммов на сто. В начале века здесь были прииски – американская концессия. Шахта осталась, и красноармейцы, один из которых где-то прочитал, что при коммунизме из золота будут делать ночные горшки, добыли золото по крупицам и отлили ночную вазу. Показывая на неё, они с гордостью говорят: «Мы живём при коммунизме».

Следующая экспедиция, включающая психологов, генетиков, историков и этнографов, пойдет на Широкую Могутку в начале июня.

Прочитал? Про призрак ни слова? Чудак-человек, кто же про такое в газете пропечатает. Профессор всё по научности расписал. А я сама с последним из этих... золотогоршечников виделася, перед самой его смертушкой... Сгубил микроб всё племя, никого из сердешных в живых не оставил, успели только свой коммунизм – свой золотой толчок спрятать... Научники одного этого, последнего – Карла Ловкого к нам в больницу и привезли, вон в ту палату угловую. Ночью он как-то и запокрикивал, просил уточку ему вынести, я и вынесла. Не золотая утка – обнаковенная, а какое облегчение человеку, исстрадался бедный. Вот тогда он мне про призрак и рассказал.

Как раз перед переправой на Туралыге он их и встретил. Стой, орёт, передовой отряд коммунизму, пивонеры новой еры. А сам кося сажень, ростом с полсосны, шинелища до пят, на будёновке звезда так рубином и полыхает. Засада – кричит – впереди, и ерхонской трубой – айда за мной, построим светлое будущее всего человечества на откупно взятом наделе!! И отвёл в потайную долину на Широкой Могутке – еле дошли, половина кур подохла, скотинка какая пала, но добрались, а обратную дорогу искать позареклись.

А жили, Ловкий говорил, неплохо: дружно, мирно, не голодовали шибко – ну что в твоём Едеме. Так бы и дальше жили – не тужили, да наука налетела и... ага, кукукнулись всё, даже вазона золотого не осталось.

Куда горшок дели – не знаю. Мне не открылся последний из могутян.

Не веришь бабьим сказкам?.. Не навучно, гришь? А в барабашков верить навучно... в зелёных оглоедов из летучей плоски? Может, канешь, то и не самоглавный призрак был, а так – наподхватный, гланюки у нас завсегда в Маскве отираются... Но вот в газетке же пропечатано, и живой свидетель был... пока не помер.

Ну и чо такого – газетка за первое апреля, можа чтоб народ не стращать, да не смущать. Есть многое на свете друг Григорий, чо и не снилось вашим мудрецам. Давай-ка лучше чайку с баданчиком, да с медком.

Паллада и Прометей

«Всё врут календари»

Звук горна весело взметнулся к потолку и, отразившись, наполнил весь спортзал.

– Дружина, равняйся, смирно!

Отряды, стоящие вдоль трёх стен, подровняли линию строя и замерли в ожидании рапорта. Высокий загорелый мальчик, совсем по-взрослому нахмутив брови, окинул взглядом ряды белых рубашек, синих пилоток и красных галстуков. Видимо, оставшись доволен произведённым осмотром, строгий командир повернулся через левое плечо и красивым строевым шагом, чётко фиксируя повороты, направился к молодой женщине, стоящей точно посередине зала. Идеально отутюженная форма плотно облегла её стройную фигуру, отлично подчёркивая далеко не девичьи бёдра и грудь.

Салют. Ответный салют.

– Товарищ старшая пионерская вожатая! Пионерская дружина имени Прометея к сбору, посвящённому приёму в свои ряды новых юных ленинцев, построена. Председатель совета дружины Гавриленко Антон.

– Дружина! Равнение на знамя! – Лицо наставницы подрастающей комсомольской смены как будто изваяно лучшим греческим скульптором по образцу олимпийской богини, взбреди той в головку надеть чуть набекрень пилотку и приветствовать смертных пионерским ритуальным жестом.

Кем-был-кем-был-ю-ный-ба-ра-бань-щик – как будто выговаривая слова, задробили по туго натянутой коже деревянные палочки. В такт их отрывистому ритму над головами поплыл алый флаг с золотом тиснёным профилем «вечно живого» дедушки. Торжественно-замедленно шагали знаменосец с двумя ассистентками. Их революционно-кровавого цвета пилотки и широкие ленты через плечо словно подчёркивали важность момента.

– Вольно! – скомандовала пионервожатая небожительница, дождавшись окончания церемонии вноса знамени. Красногалстучные ряды немного расслабились. – В этот торжественный день мы рады приветствовать на нашем сборе почётных гостей – ветеранов пожарных частей нашего города.

До этого маявшие где-то у окна, за спиной фигурастой командирши, представители очень старшего поколения выдвинулись на передний план, стараясь незаметно утереть пот, предательскими струйками пробивавшийся из-под касок, позаимствованных, видно, из музея огнеборческого управления. Плохо начищенная медь в сочетании с обыкновенными, пусть и несколько мешковатыми, костюмами выглядела несколько нелепо. Но участники действия, поглощённые торжественностью момента, старались не замечать или и правда не замечали возникшего диссонанса.

– Мы поручаем им важную миссию – повязать галстуки нашему новому пионерскому пополнению.

Подчиняясь её жесту, председатель Антон вывел к центру спортивной арены нестройно прошагавший рядок совсем юных мальчиков и девочек.

– Но сначала каждый из вас даст торжественное обещание пионера Советского Союза.

– Я, Романова Юлия, вступая в ряды... – старательно запищала первая пигилица.

Помимо воли уже, в сущности, не очень молодой пионервожатой вспомнилось собственное вступление в ряды... как отчаянно стеснялась своего редчайшего, ох, папа, папа – старый грекоман, имени – Паллада...

– ...Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина... – между тем уже старался басить следующий паренёк.

Как с молодым энтузиазмом погрузилась в построение светлого будущего: член совета дружины, председатель, комитет комсомола, учёба, вступление в партию, возвращение в родную школу – бросили, так сказать, на знакомую до боли дружину имени Прометея...

– ...Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить и беречь свою Родину... – от старания пучила глаза другая девчушка...

За заботами о прекрасном «далёко» как-то мимо прошли свойственные молодости волнения: охи-ахи при луне, парни, свидания, встречи-расставания, даже в пионерлагерях никаких романтических приключений – наверно, настолько правильной казалась всем окружающим представителям сильного пола, да, в сущности, такой и была.

– ...Жить, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, как требуют законы пионеров Советского Союза.

И годы, годы: линейки, сборы, съезды, доклады... Всё свободное время – ребятам... Из книг: классики марксизма-ленинизма, методички идеологического воспитания молодёжи, мэтры соцреализма. И только ночью, перед сном – для отдохновения – любимые «Легенды и мифы Древней Греции» – твоих рук дело, папа. Отсюда, наверно, и идеал мужчины – Прометей, этакий борец за дело освобождения всех трудящихся с древнейших времён, ещё и дружина его имени. А где они, современные прометеи... а уже за тридцать... и всё одна... при таких-то внешности и фигуре – даже не целованная.

Быстрая рука смахнула предательски большую слезу, скатившуюся по монументально-одухотворённому лицу и точёной шее.

– Повязать галстуки, – предательски дрогнул голос.

Подождав, пока неумелые руки ветеранов, с помощью членов совета дружины, справятся с непривычной задачей, вожатая обратилась к «племени младому» с напутственной речью:

– Дорогие ребята! В этот знаменательный день вы влились в дружные ряды советской пионерии. Так несите же с честью это высокое звание. Соблюдайте все законы пионеров Советского Союза. Как повяжешь галстук – береги его, он ведь с красным знаменем – цвета одного! А ещё он одного цвета с тем огнём, огнём знания, борьбы с тиранией, огнём

стремления к свободе, который принёс угнетённым людям Прометей – первый в списке революционеров всех времён, имя которого носит наша славная дружина. Ещё Карл Маркс – основоположник коммунизма – за его подвиг и слова: «Знай хорошо, что я б не променял своих скорбей на рабское служенье. Мне лучше быть прикованным к скале, чем верным быть прислужником Зевеса», назвал Прометея самым благородным героем и мучеником философского календаря.

Лицо говорившей сияло столь пламенным воодушевлением, грудь так высоко вздымалась при каждом вдохе, а вся грациозная фигура так подалась вперёд, что, казалось, – будь возможность – она рванётся без оглядки и разрешит приковать себя нагой вместе, или, лучше, вместо мятежного титана.

Стук выпавшей из рук барабанщика палочки в наступившей тишине прозвучал как звон пожарного колокола. Немного придя в себя, не в меру пылкая поклонница дружинного покровителя вскинула изящную руку в пионерском салюте и закончила обязательным призывом:

– Пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!

Дружный порыв юных ленинцев в ответном жесте увлék и некоторых ветеранов. Весь зал разноголосо-слитным хором грянул:

– Всегда готовы!!!

В этот момент лицо молодёжной богини мраморно побледнело, рука резко упала под левую грудь, тело пошатнулось и рухнуло бы, не окажись рядом бравого пожарного. Не подвела реакция бывшего отличника боевой-политической подготовки, и он неожиданно-негаданно получил в свои объятия, прижав к немолодой груди, эталон олимпийской красоты. Упавшая от резкого движения медная, без ремешка, каска, звеня и подпрыгивая, покати́лась в сторону.

* * *

Падение в пугающую чернотой пустоту... холод... тишина... Крошечные вспышки света, скручивающиеся постепенно в тёмный, с проблесками, тоннель, уходящий куда-то в неизведанное... Наплывающие время от времени бледные картинки: вот красавец мужчина зажигает факел от пылающей колесницы... вот он складывает костёр для продрогших людей... вот в дикой, пустынной местности, на фоне отвесных гор, его приковывают к скале и пронзают грудь железным штырём. Похоже на кадры из детского мультфильма о Прометее. Вот и гигантский орёл летит терзать печень мятежного титана... Опять мрачный водоворот с разноцветными вкрапинками, но впереди призывно лучащийся теплом светлый овал... приятный звук, так могли бы звенеть крошечные колокольчики... Манящий проём приближается... Удар гонга... И тишина... Парение в блаженстве...

Да это сон, просто сон... А как же – сбор дружины, пионеры...

– Только из такого сна обычно не просыпаются. – Мужской голос из этого клубящегося светлого тумана не пугает, ведь так хорошо...

Ватное марево начинает рассеиваться, проступают контуры фигуры, всё яснее, чётче: гармоничный торс в тунике, мужественно-красивое лицо в крылатом шлеме, оперённые сандалии древнегреческого фасона – ну вылитый Гермес, вестник богов, покровитель путников, гимнастов, торговцев и воров... а также проводник до Аида человеческих душ. Впору паниковать, ведь это значит – пришла смерть или, по крайней мере – безумие, но почему-то совсем не страшно. Лучше поговорить, выпадет ли ещё такая возможность:

– Неужели за гробом что-то есть? И я умерла?

– Не совсем – ты на грани.

– Но почему такая архаика, ведь античность давно прошла, люди не поклоняются олимпийцам. Или забыв вас – мы отказались от истины?

– Спутник шагнувшему в вечность – по вере его. Только с вами, атеистами, – вечные проблемы, приходится цепляться за малейшую возможность. Но ты так веришь в Прометея и бредишь Элладой, что тут сомнений никаких.

– Ты так странно говоришь...

– Лучше строго по Эсхилу? В переводе Пиотровского. Так я могу, а надо ли?

– Нет, уж лучше попонятнее.

– Моих подопечных и сейчас – как маслин в урожайный год. С каждым могу говорить на его языке. Кто только не взмолится о везении и фортуне: странник, купец и атлет, демагог и грабитель – всё то когорта моя. Несть им числа, словно волнам морским. Не то, что у твоего кумира, – героев во все времена рождает земля значительно меньше. Хотя...

– Неужели... Прометей – не миф?.. И что-то ты стал многословней?

– Надо же чем-то развлечься, пока местные гиппократы борются за твою многоценную жизнь. А Похититель Огня... вполне реален... как олицетворение собирательного образа... в каждой культуре имеющего свой прототип. Хотя...

– Ну что ты заладил – хотя, хотя!

– У Гесиода в «Теогонии» твой благодетель человечества – просто ловкий пройдоха, так разделивший жертвенное мясо, что богам достались только жир и кости, а людям – всё остальное. Разгневанный Зевс решил не давать людям огня: «Пусть едят свою мякоть сырьём». Тогда Прометей при помощи Афины проник на Олимп с чёрного входа и, похитив уголёк, вынес его на землю в полем стебле фенхеля. Вот в отместку за это наш Отец Богов и повелел приковать дерзкого к скале в вашем диком скифском краю... Поговаривали ещё, что орла Громовержец подослал терзать печень титана за шашни с нашей Палладой.

– Клеветники вы, с этим старым козлом Гесиодом!! И его «Дурногоней»!

– «Сердце любящей девы подобно вулкану. Тронь её идол слегка – огненной лавой сметёт».

– У Эсхила всё не так, Прометей сделал жизнь людей счастливее: дал им знание, научил земледелию, ремёслам, мореходству, чтению и письму.

– Куда уж старому буколисту тягаться с пламенным пиитом. Конечно, «Прометей прикованный» пришёлся вам больше ко двору. И афиняне горячо отрицали любовную связь своей покровительницы. Ну, тут ладно, может, Зевс сам пустил эту сплетню, чтобы оправдать жестокость. Только вот создателем алфавита считаю я, а искусств и ремёсел – карийский Паламед. Но на Эсхила налетел такой вот Пегас и... мы имеем то, что имеем.

– Как же было на самом деле?

– Какое это имеет значение? На жизнь влияет то, во что верят. Если более близкую историю переписывают по множеству раз, что же говорить о более легендарных временах... Хотя, – хитрая усмешка, – если кто-то сумеет убедить достаточное количество людей... это тоже может начать изменять мир.

– К добру?

– Зависит от того, что считать добром... Ну да ладно, пусть будет по Эсхилу: Прометей принёс смертным огонь, дал знание, научил земледелию, ремёслам, строительству кораблей, грамоте, но сделал ли он людей счастливее?

– Конечно!

– Так ли всё однозначно? Вот философ Диоген считал, полагая Зевса не завистливым тираном, а напротив заботливым отцом людей, что получение ими огня было первым шагом к изнеженности и роскоши и в бесконечной погоне за удовольствиями человечество всё дальше и дальше отдаляется от истинного богоподобия.

– Но ваши небожители далеки от идеала.

– Свойственно смертным ссужать свои страсти стихийным создателям. Нам, то есть. Поясняя Диогена, скажем так, целостно-божественный ум – интуитивен, он не думает – он знает, люди же в своём, так называемом, развитии укрепляют разум – разделённый ум. Чем больше разума, тем меньше интуиции. Смена веков: золотой, серебряный, медный, героический и железный отражает всё большее угасание ума. И ваш прогресс – только всё большее удаление от Истинного Сознания, которое само – радость и счастье. Так, получив от Прометея огонь и всё прочее, – стали ли люди счастливее?

– Много он понимал – этот умник из бочки.

– Да разве мы о Диогене? Ну он-то, в отличие от многих, хотя бы был искренним – жил так, как учил. В стремлении к истинной природе отказался от всего лишнего – отсюда и житьё в бочке... Но... Падает капля последняя нашей беседы... Ныне надолго расстаться нам предстоит... До часа последнего жизни твоей многотрудной... Лик эскулапам Фортуна явила в делах благородных...

* * *

Из стенограммы выступления известного сектоведа профессора Творкина.

«...Нужно отметить возникшую в российской глубинке на заре Перестройки тоталитарную секту «палладьевцев», по имени основательницы культа (самоназвания не имеют), пытающуюся возродить поклонение языческому олимпийскому пантеону, но с резким отвержением Прометея, которого они считают чуть ли не греческим аналогом змея-искусителя. Забавно, что как основательница культа, так и самые активные его апостолы (Ю.Романова, А.Гавриленко) в советском прошлом – члены пионерской дружины имени Прометея. Истоки учения секты в видении, а вернее – искушении от беса, полученном новоиспечённой жрицей в состоянии клинической смерти ещё на излёте Застоя. Характерные особенности культа: увлечение греческими философами, классической литературой и искусством; пропаганда единения с природой, здорового образа жизни, крепкого брака, отказа от любых излишеств; показушная благотворительность. Сектанты в последнее время довольно активно вербуют новых членов за счёт вывоза на природу инвалидов-колясочников, проведения театральных постановок, литературных вечеров, поэтических турниров, спортивных мероприятий и прочего подобного, в общем, пиарят себя по полной программе, поэтому следует уделить особое внимание их разоблачению. Трудность здесь представляют отсутствие у сектантов явной формальной организации, а также каких-либо церемоний и ритуалов...»

Палеоконтактом по кумполу

*О, сколько нам открытий чудных...
(А.С.Пушкин)*

Что можно сказать о шапке Мономаха... кроме того, что это золотая тубетейка, подаренная московскому князю Ивану Калите ханом Золотой Орды Узбеком? По крайней мере, такая версия приводится в детской книжке «Судьбы вещей», не в малой степени сформировавшей у меня устойчивый интерес к истории, сохранившийся и до нынешних первых седин.

Но речь-то у нас не о шапке, даже и уважаемого Владимира Всеволодовича, а о власти. С её предполагаемым бременем. Ведь не зря же «наше Всё» вложил в уста Бориса Годунова крылатые ныне слова о сём головном уборе: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!»

Положа руку на сердце, я вполне согласен с Александром Сергеевичем. И даже более чем.

За всю жизнь меня периодически выпихивали на разные руководящие должности, как начали с пионерской дружины и школьного комитета комсомола, продолжили в армии, назначив старшим смены на узле связи в уссурийской тайге, и до последнего раза, когда я поддался на эту провокацию, согласившись пойти бригадиром на заводе «Амурсталь».

С тех пор... чтобы ещё раз взвалить на себя этот крест... ни-ни, ни Боже мой... возложить на себя эту ответственность, эту головную боль, эту необходимость балансировать между молотом вышестоящего

начальства и наковальной родного коллектива... Не спать ночами, вскакивать по утрам, как ужаленный... Боже упаси...

Личный опыт говорит мне, что человек разумный не может стремиться к власти. Я имею в виду человека действительно разумного, а не просто примата вида *homo sapiens*. Для приматов-то это стремление как раз нормально. Первый, самый животрепещущий вопрос, выясняемый в стае бабуинов, павианов, подростков и политиков, – кто выше сидит. Определив это серией «выяснений отношений» все размещаются на завоёванных ступенях иерархической пирамиды.

Пожрать, поразмножиться и повластвовать – это базовые животные стремления, присущие всем людям без исключения. Но разумные индивидуумы научились ими худо-бедно управлять, а вот над бабуинообразными и павианоподобными особями скорее верховодят сами инстинкты. И это вполне нормально для животного: сесть на вершину и власть попользоваться плодами высокого положения.

Я немного утрирую, но, надеюсь, основная мысль достаточно ясна.

Конечно, и разумный человек может стремиться к власти из вполне достойных побуждений: служить родине, например, и помогать людям. Это уже скорее следующая ступень эволюции человека, как сапиенса. Но пробиваться-то ему придётся среди обычных приматов. Пробьётся ли? А если пробьётся, то не заразится ли от них примативизмом?

Вот что если правы сторонники теории палеоконтакта, и боги народов, известные нам по мифологиям, – это внеземные пришельцы? И какие-такие цели преследовали они, спускаясь к нашим диким предкам?

А чтобы было интересней, придадим нашим фантазиям хоть мало-, но художественную форму, с сюжетом и главным героем, ну каким-нибудь Иван Ивановичем.

Итак, жил да был на земле Иван Иванович, средний во всех отношениях человек: среднего роста, среднего веса, средних способностей и абсолютно среднего ума – обычный представитель вида *homo sapiens*, рода людей, семейства гоминид, отряда приматов, класса млекопитающих. И дожил он как-то до вполне себе средних лет. По достижении которых, случился с ним кризис упомянутого возраста. Задумался наш философ о смысле жизни: человечества вообще и своей, Иван Ивановичевой, в частности. Жены и детей у него, видно, не было: уж они-то быстро отбили бы охотку тратить время по пустякам. А может, жена к тому времени от него уже ушла, а дети выросли?

Ну, как бы то ни было: вот накрыло его этой думкой. И так прикидывал и эдак, а высокого смысла всё не мог придумать. Собрался было в религию податься, да тяжёлое атеистическое прошлое не пустило: ну не мог он всерьёз молиться существу, которого, может, и нет вовсе. Да и без ритуальной стороны, само по себе, в доброго Бога как-то не верилось, а в сурового и не хотелось.

Куда ещё бедному советскому интеллигенту податься, если с церковью не станцевалось? В науку, мистику или в нечто среднее. Вот и наш Иван

Иванович увлёкся уфологией: брошюрки соответствующие стал почитать, фильмы посматривать, к глобальной паутине на этой волне приобщился.

Больше всего интересовала его теория так называемого палеоконтакта и особенно любой материал, связанный с воротами богов. Дело в том, что родной дядя Ивана Ивановича – довольно известный археолог – незадолго перед смертью оставил ему в наследство, как единственному мужчине в роду, диск из нефрита с контурами каких-то фигурок, диаметром примерно так с кулак и толщиной в палец, сказав только что это «ключ к божественным вратам». А больше ничего и не добавил: тот ещё партизан был.

Каково же было удивление нашего диванного изыскателя, когда нашлись такие воротца, правда, чёрте-где: на одном высокогорном кряже Южного Перу, недалеко от озера Титикака. Так и назывались: «Ворота богов», а по местному Пуэрта де Хауи Марка. Согласно легенде, великие герои уходили к богам через эти врата. Что любопытно, по преданию инков не все уходили туда навсегда. Некоторые герои возвращались из «Страны богов» получив неслыханную силу и знания.

Совсем охренел наш Иванович, увидев фотографии этого прохода. Представьте себе: в каменном кряже огромный квадратный проём, высотой где-то в четыре человеческих роста, ведущий в никуда, вернее, никуда не ведущий – просто в скалу. Посередине – довольно глубокая Т-образная ниша в один рост, типа дверки, причём перекладина по высоте примерно равна ножке. На вид так идеально подошла бы для человека, раскинувшего руки. А в самом центре этой ниши находится круглое углубление, с кулак диаметром, вроде замочной скважины. И древнее предание гласит, что портал открывается с помощью диска-ключа.

Разглядывая свой нефритовый кругляш и прикинув, насколько это возможно по фотографиям, диаметр «замочной скважины», пришёл наш наследник инков в неопишемое возбуждение, ибо показались они идеально подходящими друг к другу.

Год терзался наш герой в сомнениях: тот, не тот; ехать, не ехать? Дорожка-то не близкая и средства немалые. Терзания терзаниями, а денежки копил и испанский подучивал.

Капитала на полёт, правда, так и не сколотил, но за эти двенадцать месяцев так себя накрутил, что полностью уверовал в диск, врата и свою удачу, поэтому взял кредит, не особенно задумываясь об отдаче. Да, возможно, и отдавать-то будет некому, ибо приближался, и довольно большими шагами, роковой 2012 год. В общем: либо шах помрёт, либо Насреддин, а то и ишак сдохнет.

Долго ли, коротко ли, но оказался наш Иван перед вожделенными вратами. А тут народу оказалось... экстрасенсов, шаманов, уфологов и просто чокнутых... Туриндустрия, чтоб её... И каждый со своим прибабахом: одни, воздев руки, «заряжаются энергией»; другие травы курят у дверки и на месте кружатся; третьи с приборами какими-то суетятся; четвертые ещё чего.

Ну как тут свой диск доставать? Пришлось схорониться в сторонке до темноты, благо попить-поесть в рюкзачке у нашего героя нашлось в избытке.

И вот... солнце село, народ рассосался, скала приятно греет накопленным за день теплом... дрожь от волнения, нетерпения и, что уж скрывать, страха, наш контактант забирается в Т-образную дверку, достаёт свой нефритовый ключ, трясущимися руками прислоняет его к «скважине» – и... проваливается внутрь... полёт в где-то или нигде... куда-то или никуда... масса неопишуемых вестибулярных, гравитационных и пространственных ощущений... и выпадает...

Ошеломлённый, подавленный, еле соображающий, поднимается на ноги наш путешественник между мирами, пытаюсь понять: где он, что с ним, и стоило ли оно того... но смысл жизни... конец света, опять же... да и поздно уже, поди...

А вокруг абсолютная темнота и тишина, слышатся только удары сердца и дыхание.

Сделав робкий шаг, натывается наш Иванович на что-то звякнувшее, и тут его осеняет: в рюкзачке-то у него довольно мощный галогеновый фонарь.

Синеватый луч выхватывает из мрака два диска: нефритовый и такой же жёлтого металла; точно – в предании-то о золотом ключе речь шла. Добрался, значит, жрец инков Арами Мару до страны богов. Подбирая находки, попробовал наш Иван разглядеть поверхность, на которой эти артефакты лежат, и не смог: как будто сумрак сгустился в твёрдую плоскость, да так и застыл, гася свет и звук. Посветив назад, обнаружил наш кротолаз – ну как ещё назвать субъекта, перемещающегося через кротовые норы пространства, – так вот, за спиной заметил он точную копию перуанских Пуэрта де Хауи Марка. А поведя лучом фонаря по сторонам, увидел целый ряд таких ворот.

– Чёрт! Как камины в Министерстве магии! – воскликнул поражённый Иван Иванович, обнаруживая приобщённость к кинопоттериане. – Как бы вместо богов не попасть к волдемортам.

Вот не поминай, говорят, не подумавши, ни Бога, ни противника его: стоило только нашему искателю смысла жизни это произнести, как где-то в отдалении показалась сияющая фигура, медленно и плавно заскользившая к месту контакта.

Вместо того чтобы успокоиться и собраться перед событием, ради которого он, собственно, и прибыл, наш Иван Иванович только больше возбудился и растерялся – ну средний же человек, что с него возьмёшь.

Да ещё стал он ощущать, по мере приближения светящегося существа, не очень приятные чувства: как будто кто-то взялся щекотать его по всему телу, и не только снаружи, но и изнутри. Особенно раздражало это почёсывание внутри головы. А что делать? Подать жалобу в галактический суд? Осталось только смириться.

Наконец фигура приблизилась, некоторое время оставаясь бесформенной и переливаясь разными цветами, потом приняла вид

величественного мужчины средних лет в белом балахоне, ростом метра два. В физиономии инопланетного визави Иван Иванович с изумлением узнал свои собственные черты, только сильно облагороженные безмятежностью.

– Ой ты гой еси, Иванушко! – напевно «услышал» непосредственно у себя в голове обалдевший землянин.

– И вам здравствовать, – машинально отвечивал он, глядя на неподвижные губы собеседника.

Тут у него в мозгах пронёсся особенно интенсивный щекотательный шмон, и инопланетчик обратился уже более современным языком, но так же невербально:

– Зачем ты прибыл к нам этим давно забытым путём?

– Узнать, будет ли конец света и в чём смысл жизни.

– Нашей? В окончательной трансформации в полевую форму.

– А нашей?

Величественная фигура некоторое время стояла молча, просто освещая пространство вокруг себя, прежде чем начать свой смысложизненный ликбез.

– Давным-давно, когда мы ещё имели тела и интересовались полезными ископаемыми, понадобилось нам много металла, который вы зовёте золотом. Ваша планета довольно богата им, но подолгу находится на Земле мы не могли, и для добывания создали вас – людей.

– Создали искусственно?

– Не совсем: отловили в Междуречье самых сообразительных волосатых длинноруких животных – шустрые такие были особи, умудрялись даже у нас вещи воровать, – добавили им немножко наших генов, а получившихся человекочеловеков научили добывать золото и складывать в нужных местах. Время от времени мы прибывали и забирали запасы.

Чтобы они самообеспечивались, научили их земледелию, скотоводству, ремёслам, первых – даже письменности. И до сих пор, наверное, сохранились глиняные таблички со сказаниями про нас – Анунаки-творцов, создавших вас – адамов-людей.

По мере необходимости мы расселяли вас по планете, а уж легенды про богов вы сами придумывали.

– А потом?

– А потом у нас отпала необходимость в любых металлах, и мы попробовали вернуть планету в первоначальное состояние, даже поэкспериментировали с потоком, но люди оказались вполне жизнеспособной формой жизни, и вас оставили в покое.

– Совсем?

– Были отдельные энтузиасты, забавлялись созданием зверолодей: полукошек, полуконей, полукрокодилов и других; но это закончилось много тысяч лет назад.

– И вы больше не появлялись?

– Ну почему, Земля долго была как заповедник, своего рода музей нашей прошлой деятельности. Но и это уже давно не актуально. Так что, с нашей точки зрения, у человечества нет смысла жизни.

– А лично у меня?

Анунак опять помолчал, как бы в недоумении разглядывая Иван Ивановича. Пощекотал немного в мозгах и, подтверждая поговорку «язык мой – враг мой», вынес вердикт:

– Ну, раз ты нашёл дорогу сюда, смысл будет: давай доведём до конца историю создания человечества.

– Как?

– Чтобы нам не было стыдно перед галактическим сообществом за своё творение, нужно или подтянуть людскую цивилизацию до приемлемого уровня...

– Или?

– Или стереть, как неудачный черновик. Когда, ты говоришь, у вас ожидается очередной конец света?

– 21 декабря 2012 года, почти ровно через год.

– Вот иди и объяви человечеству, что если за этот год оно не последует заповедям своих богов, я явлюсь на Землю и устрою там конец света, конец тьмы и вообще – полный конец!

– Кто же ты? – со страхом спросил Иван Иванович.

– Я, Анунак XIII, ответственный за всю прошлую деятельность нашей звёздной системы, так как присматриваю за этим музеем внесириусных культур по ночам.

– Да кто же меня слушать-то будет?

– Я наделю тебя всеми мыслимыми и немыслимыми сверхспособностями. Хочешь – стань мировым правителем, хочешь – действуй через убеждения, да хоть оснуй новую религию с собой во главе, но чтобы через год всё человечество отвечало минимальным межзвёздным стандартам.

– А если не всё?

– Хватит разглагольствовать! Пришло время собирать камни! Я всё сказал!

Вот не завидую я этому Иван Ивановичу. Нет чтоб познакомиться с женщиной помоложе и найти с ней смысл жизни. Так его на горнее потянуло.

Даже не знаю, что бы я на его месте стал делать. Человечество исправлять точно бы не взялся. Неблагодарное это занятие, с любыми талантами. Пожил бы, наверное, годик в своё удовольствие, со сверхвозможностями-то, а потом будь что будет. Или попробовал бы передать эти способности команде крепких ребят: своего рода группе быстрого межпространственного реагирования. Подстерegli бы этого зарвавшегося ночного сторожа у небесных врат 21 декабря и, пользуясь преимуществом неожиданности, уладили межпланетный конфликт.

Можно было бы и просто эти ворота взорвать, да вряд ли они единственные, а тут хоть ясно, где этого... Ануаха поджидать.

И человечеству не завидую. Особенно если Иван Иванович возьмётся его исправлять. Ну что серость может придумать в таком глобальном деле? Ведь вряд ли большие способности добавят ему мудрости и морально-нравственных качеств.

Ануаху... пардон, Ануаку тоже не завидую. У меня бы рука не поднялась и муравейник уничтожить, а тут – человечество. А может, он пошутил так... Вдруг чувство юмора нам тоже от богов досталось? Не от приматов же: эти-то к своему существованию очень даже серьёзно относятся.

Три желаньца

Жизнь не удалась... Ни в чём... А ведь мальчик Ваня подавал большие надежды. Стройный, красивый, общительный, умный, талантливый. На скрипке играл. Рисовал. В стенгазету пописывал. Стишки сочинял. Драмкружок. Судомодельный. Спортом занимался.

Подавал Ваня надежды, подавал... Да видно куда-то не туда подавал.

Иван Иваныч Иванов сидит дома без штанов, на кровати. Сорок пять вчера стукнуло – по маковке... Юбилей, чтоб ему... Подводи итоги... А что в итоге? Подводи не подводи – сплошной минус. Машины нет. Дачи нет. Компьютера нет. Денег нет. На работу, как на каторгу... В квартире – бардак... Холодильник пустой... Телевизор сгорел... Детей нет... Жена ушла... Кошки-собаки тоже нет. Зло сорвать – и то не на ком.

Веры тоже нет... Ни в кого... Ни в бога. Ни в судьбу. Ни в людей. Ни в себя...

Одна депрессия есть. Большая и чёрная. На пару с тоской зелёной. Да ещё подарочек есть. От сослуживцев. Вон он, на столе стоит. В двухлитровой банке. Плавниками шевелит и глазами-телескопами вылупился.

Ну, друзья-товарищи... удружили. Прикололись. Нашли презент для юбилея. Что с ней теперь делать, с этой золотой рыбкой. Чем кормить? Где держать? Денег даже на аквариум нет. В ванну, что ли, запустить? Или сразу в унитаз сдёрнуть? Отыграться хоть на ней – бессловесной. А ещё представить себе понатуральней, в стихах и красках, как вместе с ней и коллеги-прикольщики буль-буль в канализацию, в стиле черепашек-ниндзя.

А что, хорошая идея. И проблем меньше и хоть какое-то моральное удовлетворение.

Этой идеи даже хватило на то, чтобы преодолеть постпраздничную апатию. С маниакальным выражением на лице, наведя прицел опухше-прищуренных глаз на объект мести, Иван Иванович, несмазанно скрипнув шарнирами своих суставов, встал с постели и походкой «зомби с похмелья» двинулся к столу.

Рыбка, словно услышав преступные замыслы, замахала крыльями-плавниками и с глазами, повысившими телескопичность, заметалась по двухлитровой акватории. Но в момент, предшествующий соприкосновению рук с банкой, словно приняв решение, застыла на месте и, глядя своими большими глазами на потенциального убийцу, энергично зашлёпала губами: «Не губи меня, добрый человек, пожалей», – услышал вмиг обалдевший Иван Иванович. Хорошо, что банку не успел приподнять, а то бы вся история на этом и закончилась.

В этот же момент, уткнувшись остановившимся взглядом сквозь прозрачность стекла и воды в самый центр рыбьего глаза, неудавшийся рыбокиллер с ужасом думал о поехавшей крыше, белой горячке, шариках захавших за ролики, и почему-то о маме, которую давно не видел, жене, которую не видел ещё дольше, детях, которых вообще никогда не видел, а также обо всех своих неосуществившихся мечтах. Все эти мысли промелькнули в один миг, как, говорят, бывает в момент смерти. Непонятно, правда, кто это говорит, кому и где. Ведь если говорит, то не умер, а если умер, то откуда это известно нам – ещё живущим.

– Успокойся Ваня Ваныч, – продолжала чрево вещать рыбка, – с головкой у тебя всё в порядке. Я действительно чудесная золотая рыбка.

– Та самая? Знаменитая? – маятник настроения слегка китаезировано поименованного Ивана Ивановича стремительно метнулся от тоскливого уныния к радостной надежде.

– Ну не совсем та самая, – слегка засмушалась золотая лупоглазка, – ту самую во время последней войны глубинной бомбой подбили, вместе с вражеской субмариной. Я её потомок.

«Золотой рыбок, значит, – подумалось почему-то Ивану Ивановичу, мучительно пытавшемуся раскопать подвалы знаний и перетрясти шкафы своей памяти. – Где-то я это уже читал, в какой-то истории для научных сотрудников младшего возраста. Какая-то там ещё заминка вышла с исполнением желаний».

– Но ты тоже можешь выполнить три моих желания? – с неугасимой надеждой во взоре спросил вчерашний юбиляр.

– Да хоть четыре, – почему-то отводя свои телескопы в сторону, ответила рыбка.

– А что чудеса могут быть только старинными? – вспомнилось Ивану Ивановичу что-то из прочитанного. – А о таких вещах как компьютер или телевизор ты понятия не имеешь?

– Да имею я понятие, имею, только... – в комнате повисло тягостное молчание.

– Ну, говори всё, не томи, килька ты говорящая.

– После взрыва бомбы, волшебная сила перешла ко всем потомкам той золотой рыбки.

– Ну и... – непонимающе захлопал глазами потенциальный чудесопользователь.

– Пропорционально количеству этих потомков, – прошептала бы рыбка, если бы могла шептать, – а так как потомков этих немало, то мне досталось немного и большая часть доставшейся мне доли пошла на способность говорить, так что на остаток могу сотворить тебе в лучшем случае мышку для компьютера или пульт ДУ для телевизора.

На неудавшегося Ивана-царевича жалко было смотреть. Так, наверно, выглядел бы Алладин, у которого из лампы при очередном потирании вместо джина вылезла бы какая-нибудь ящерка и, вильнув хвостиком, смылась в неизвестном направлении.

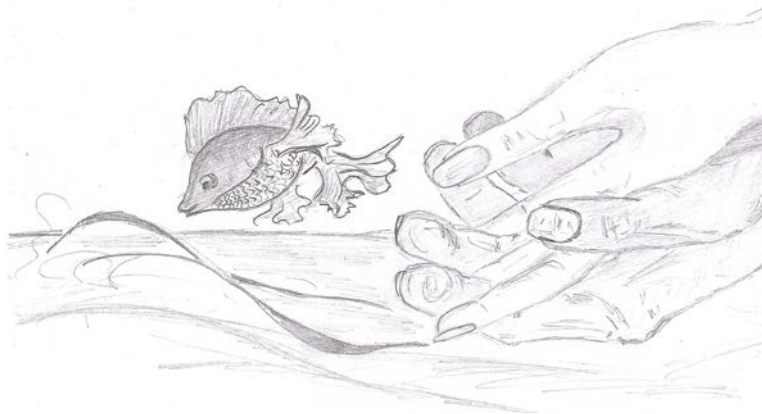
– И что же мне делать?

– Думай, Ваня, думай, ты же homo разумный, голова у тебя не только шапку носить.

И Ваня крепко задумался.

На новой иномарке к своему уютненькому коттеджику подъехал И.И.Иванов (творческий псевдоним Александр Натанович Голдфишев), артист очень оригинального жанра, единственного в мире, – «Говорящая рыба». Бодро пройдясь по большой гостиной, мимо крутого компьютера и современнейшего домашнего видеотеатра, остановился он около огромного, литров этак на 2000, аквариума, где в зарослях экзотических водорослей задумчиво пошевеливала плавниками золотая кормилица и поилица. Покормив родимую каким-то дорогим живым кормом и приветливо помахав ей на прощание рукой, отправился А.Н. Голдфишев (в девичестве Иванов) на второй этаж отдыхать от трудов праведных.

А желаньца? А что желаньца? Может, пригодятся ещё когда. Мышка там для компа срочно понадобится или ещё что. Запас – он ведь, как известно, карман не тянет.

Содержание

Сказка о гибели Атлантиды	4
«Рыцарские страдания»	7
Секреты воздержания	19
Золотой горшок	23
Паллада и Прометей	26
Палеоконтактом по кумполу	31
Три желаньица	37

На первой странице обложки – картина Всеволода Иванова
«День почитания небес»

Тираж 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»